

Вячеслав
ДЕНИСОВ

Плохой
хороший
МЕНТ

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Вячеслав Денисов

Плохой хороший мент

«ЭКСМО»

2001

Денисов В. Ю.

Плохой хороший мент / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2001

Стоит ли ежедневно рисковать жизнью, защищая закон, если твою работу оценивают в копейки, а преступники безнаказанно гуляют на воле? А если тебя еще и бросили в камеру, приравняв к тем, на ком ты сам вчера защелкивал наручники? Артур Веденеев – удачливый сыскарь и «правильный мент» – считает, что стоит. И даже из камеры можно попытаться изобличить подонка с погонами. Можно-то можно, но это если тебя не прикончат раньше. Чтобы этого не случилось – надо рисковать. Артур готов рискнуть...

© Денисов В. Ю., 2001

© Эксмо, 2001

Вячеслав Денисов

Плохой хороший мент

Артистом Артур Веденеев был по жизни. Что, впрочем, не мешало ему быть и грамотным парнем. Неплохое сочетание для сыщика из уголовного розыска.

Со своими знаниями права, английского языка, «фени» и российской ненормативной лексики он без труда мог бы поступить на юридический факультет университета хоть прямо сейчас, хоть год назад. Но Артур не торопился. Ему нравилось то, чем он занимался сейчас. Веденеев был признанным авторитетом в районном Управлении внутренних дел и одновременно на плохом счету среди жуликов этого самого района. Начальники ценили его за интеллект и природную интуицию. За это же самое Артура не любили сторонники неконституционных способов обогащения. Подтверждением тому были ежемесячные премии, которые Артур получал под роспись в бухгалтерии «управы», и настенная роспись многих домов района. В ее адресности сомнений не оставляли метровые буквы «Смерть позорному мусору!» на торце пятиэтажки, в которой жил Артур. Были и надписи типа «Веденей сука!» на указателе поворота к Управлению, полностью раскрывающие сущность характера старшего лейтенанта милиции Артура Веденева.

Его отношение к подобным угрозам и оскорблениям было непонятным для многих. Прошлым летом бабушка-соседка, ткнув пальцем в грозный «приговор» на стене, прошамкала Артуру на ухо заговорщически, как будто окружающие не знали на самом деле, кто из них двоих «мусор»:

– Ты почему этих говнюков не слышишь, а? Ты посмотри, чего написано! А я ведь, почи-тай, кажинный день у двери твоей квартиры с известки маты наждачкой стираю. Этак я скоро стену сотру и в сортир к тебе через дыру попаду!

Артур посмотрел на «приговор», сделанный два года назад, и заметил:

– Да, надпись на самом деле стала неказистая. Некоторые буквы подзатерлись. Подновить бы...

Бабка плюнула себе под ноги и просеменила к лавочке – поделиться с соседками своим секретным разговором с Артуром.

А надпись действительно скоро подновили. Это случилось сразу после того, как опера из Управления задержали шайку «домушников». Но, несмотря на вынесенный «приговор», в доме и прилегающих к нему дворах Артура побаивались. Потому что общение с местными пьянчужками и дебоширами, если они, конечно, не нарушали статьи Уголовного кодекса, Веденеев сводил к минимуму и на интеллект не напирал. И если у подъезда открыто распивали водку, он подходил и молча разбивал бутылку об урну. А когда ночью прибежала соседка, побитая мужем, с жалобой, он так же молча поднимался в соседнюю квартиру, бил морду дебоширу и уходил домой, не обращая внимания на «спасибо» от жены усмиренного гражданина.

Однако и в обиду «своих» он не давал. Подъезжающие к дому «воронки» медвытрезвителя Артур отправлял назад, обещая, что разберется сам. Этих обещаний он никогда не нарушал. Местный участковый к дому даже не подходил, зная, что Веденеев тут хозяин. Причем хороший.

Артур не мог «просто» раскрыть преступление. Он не имел в кармане шаблона, поэтому каждое свое действие превращал в импровизацию. Пользуясь своим, дарованным им свыше наитием, он за минуту мог сделать работу, на которую другие тратили дни и недели.

...Однажды, прибыв с дежурной группой по заявке, «неизвестные вырезали семью», Артур по ступеням взлетел на пятый этаж и зашел в квартиру, от пола до потолка забрызганную кровью. Обойдя врачей, хладнокровно пытающихся оказать помощь мужчине, Веденеев

увидел на кровати окровавленного ребенка, истыканного ножом, и мертвую женщину, лежащую в коридоре в неестественной позе. Мужчина рыдал и бился в истерике, переживая смерть близких.

Оперативник шагнул в комнату.

Врачи, как могли, сдерживали мужа убитой женщины и накладывали на многочисленные раны повязки.

– Жить не хочу! Добейте меня!.. Сволочи!!! Как мне жить теперь?! Почему они меня не убили вместе с ними?! А-а-а!..

Увидев стоящего в дверном проеме опера с «макаровым» под мышкой, он закричал еще сильнее:

– Все равно вы их не найдете! Все равно! А как мне с этим жить?! Пристрели меня! Пристрели! – И к врачам: – Скажите, жена жива?..

Никто из стоящих вокруг ничего не «поймал». Слишком жутким казалось все происходящее. Ни у кого ничто не резануло слух! И лишь Артур за это мгновение смог увидеть ту искру, которая ведет к взрыву, то есть к краху.

Быстро шагнув к раненому, он оттолкнул врачей и, к их изумлению, грубо схватил мужчину за уши, оттянув их в стороны. Оторвав его рывком от пола за эти самые уши, он уткнулся лбом в окровавленный лоб главы семейства и заорал в пахнувший перегаром рот:

– Сука!!! Ты за что семью порезал?! Отвечай, падла!!! Быстро!!!

Истерика и вопли отчаяния мгновенно прекратились, и гримасу боли и горя на лице мужчины сменил какой-то сумасшедший оскал.

– Ведьма она!! Ведьма!! И выродок ее – от семени дьявола!

Вонючие слюни летели в лицо Артуру.

Сыщик с омерзением оттолкнул от себя убийцу и утерся рукавом рубашки. Поднявшись на ноги, он схватил хохочущего недочеловека за шиворот и, как фуфайку, поволок по окровавленной квартире.

– На допрос его. Живо!

Обращаясь уже не к дежурному следователю прокуратуры, а к детоубийце, Артур добавил:

– Лучше бы ты, ублюдок, сам дорезал себя до конца. Я искренне пойму тех ребят, которые за этого ребенка придушат тебя в камере. Не доехать тебе, падаль, до лагеря, не доехать...

Лето всегда отрывает от работы. А середина июля еще больше усугубляет желание плюнуть на все эти бумаги, дела, рапорта, боком-боком, незаметно, выйти из служебного здания и хоть часок побездельничать на городском пляже – купаясь и сквозь черные, солнцезащитные очки наблюдая за фигурами в открытых купальниках. Черные очки вообще вещь удобная. Они черные только издалека, а для того, у кого они на носу, они еще какие прозрачные! Вроде бы смотришь в сторону, туда, где волны заползают на мокрый и тяжелый песок, а на самом деле – вправо. Или – влево, в зависимости от того, где расположен в данный момент открытый купальник.

Артур нравился женщинам и часто этим пользовался. Если быть более точным, то слово «пользовался» не совсем подходит для определения отношений Артура со слабым полом. Более уместным было бы сказать – он «принимал» их любовь. Этот сыщик нравился многим девчонкам даже в Управлении, и те не скрывали этого. Постоянно опрятный вид, улыбка на лице и пьянящий аромат несменяемого никаким другим одеколоном «эксесса» сводили с ума одинаково и проходящих по коридору мимо Артура секретарш Управления, и забредших по необходимости в это учреждение потерпевших женского пола. И зарождались тогда в одних – вера в значимость занимаемой должности, в других – убеждение в том, что не сегодня-завтра найдут эти милые мальчики, такие, как этот, и золото, и доллары, и норковую шубку, что

украли сегодня ночью. И не знали эти прекрасные потерпевшие, что этот мальчик мог запросто спросить:

– А что вам, мадам, одинокой женщине, дома-то не спится? Были бы в своей кровати – зимой бы шубку носили. А так к зиме нам с вашей шубкой не поспеть, нет, не поспеть... Так что пишете заявление по факту кражи и начинайте копить.

– Копить что?..

– Деньги.

– На что?..

– На новую шубу. Если найдем старую...

– Да какая она старая?!

– Хорошо. Если найдем *предыдущую* – две шубы будет. Вы, главное, заявление пишете. А иначе, как же мы будем преступление раскрывать? Нет заявления – значит, нет преступления, а раз нет преступления, то о какой шубе мы вообще говорим? Так что торопитесь – может, ее еще не успели продать эти злодеи...

В то время, когда женщина подробно излагала в заявлении, какие вещи пропали в результате тайного хищения ее личного имущества, то бишь кражи, и строила догадки оперативному дежурному, кто мог так безжалостно по отношению к ней поступить, в кабинет к улыбающемуся Веденееву уже заводили пацана в наручниках, которого он, Артур, сегодня ночью задержал, реализуя информацию осведомителя. Сыщик «слотошил» воришку с полной «боевой выкладкой»: отмычки, фомка – за пазухой, золото и норковая шубка – в сумке.

В тот момент, когда Веденеев беседовал с милой потерпевшей, эта сумка с ее шубкой стояла у него под столом и он незаметно гладил дорогой нежный мех...

Что поделывать, нет заявления – нет кражи. А если нет кражи, как же на него «пойдет» ее раскрытие?

На следующий день счастливая женщина со слезами радости на глазах благодарила милиционеров за найденные вещи...

...Артур отпихнул от себя лежащие на столе документы и бросил на них авторучку.

«Черт, даже стержень закончился – так не хочется работать!»

Он поднял глаза к запыхавшейся до невозможности люстре под потолком и задумался, вынашивая план побега из здания районного Управления на пляж.

В тот момент, когда он мысленно сходил к начальнику розыска и доложил, что есть кое-какая информация и ее нужно проверить, получил разрешение и уже открыл дверь дежурки, которая открывала дорогу на пляж, его остановил совершенно реальный телефонный звонок.

Решив попробовать еще раз после разговора, Артур снял трубку.

– Слушаю. – Оперативник откинулся на спинку офисного кресла и одну за другой положил ноги на стол.

Хриплый, словно треснувший фагот, голос спросил:

– А Артура Сергеича можно?

– Нет, Бахарь, меня больше нельзя. Нельзя меня так иметь, как ты поимел меня неделю назад.

– Сергеич, бля буду, промашка вышла. Я, видно, недослышал у них чего! Они, в натуре, на «сто сорок шестую» хотели идти. Почему не пошли – ума не дам.

– Ну-ка, хорош базарить!

Артур разозлился, так как понимал, что каждое их слово сейчас пишется на магнитную ленту в небольшой комнате, расположенной на последнем, четвертом этаже Управления. В общем-то, ничего каверзного в этом не было – опер беседовал со своим информатором, но Веденеев терпеть не мог присутствия кого-то третьего, закулисного. Даже если бы он разговаривал с мамой, он все равно перенес бы разговор.

– Ну-ка, хорош базарить! Где ты сейчас находишься? Далеко или нет?

– Рядом.

– Тогда закинь в пасть мятную конфету и поднимайся ко мне.

– Конфету... На сигареты-то денег нет!

– Это я понял, когда ты позвонил. Если бы у тебя были деньги, то ты вряд ли бы меня ошастливил своим появлением. Иди, я сейчас позвоню вниз, чтобы тебя пропустили.

– Иду, иду, Сергеич...

Пляж, вместе с яркими открытыми купальниками, как мираж, отодвинулся дальше, но не исчез.

Артуру позвонил вор-рецидивист в прошлом, а ныне – спившийся и опустившийся гражданин по фамилии Бахарев. Раскрыв по его информации несколько квартирных краж, Артур стал замечать, что Бахарь стал вялым в поддержании оперативной связи, а иногда даже подбрасывал дезинформацию. Сыщик почувствовал это сразу. Среди всех агентов, состоящих с ним на связи, Бахарь был самым ненадежным. Но... все-таки был. Был, потому что у него, Бахаря, не было иного выхода.

Артур справедливо делил всех информаторов, «дятлов», на четыре категории. Первая – это законопослушные граждане. Они понятия не имеют, что играют одну из главных ролей в раскрытии преступлений районного масштаба. Они охотно подливают сыщику чай в чашку и накладывают ему в розетку малиновое варенье, делясь всеми событиями во дворе и прилегающих к нему окрестностях. Вторая категория – пойманные на «крючок», причем намертво, преступники. Позапрошлым летом Бахарь, спьяну, имел глупость залезть через забор в огород к собственному племяннику и украл из клеток четырех кроликов.

Он был пойман Веденевым с поличным, когда доваривал дома суп из четвертого, последнего. Артур разрешил ему доварить и съесть этот суп, по ходу дела объяснив, что ему, вору-рецидивисту Бахареву, за этих зайцев на этот раз чалиться придется минимум пять лет. Но кража кроликов так и не была тогда раскрыта и висела темняком в Управлении...

Третьей категорией «дятлов» были наиболее опустившиеся граждане, готовые «сдавать» всех направо и налево за бутылку спирта, двадцать рублей или за дозу «дури», то есть наркотика. Какое-никакое, но оправдание им Артур находил и не испытывал к ним такого отвращения, какое испытывал к стукачам из последней, четвертой группы. Эти были готовы тратить личное время и средства, чтобы выяснить детали преступления, главных и косвенных фигурантов, потом сдать их органам и у ворот Управления наблюдать, как задержанных по их информации преступников, в наручниках, грузят в автозак. Артур следил за этими людьми со стороны и готов был поклясться, что у них наступал оргазм в тот момент, когда за арестованными с их подачи преступниками захлопывалась дверь, и воры, мошенники, хулиганы как загравленные зверьки с безнадежностью смотрели на волю через решетку. Самое страшное было то, что большинство задержанных были друзьями этих людей.

Впрочем, ничто не мешает отдельно взятым «дятлам» органично объединять в себе признаки всех категорий.

Всех их объединяет еще кое-что. Это необходимость давать власти информацию, хотя и по различным причинам. Такие люди необходимы, а потому – терпимы.

...Раздался осторожный стук в дверь.

– Проходите! – Артур вздохнул – песок с купальниками опять отодвинулся за горизонт, и снял ноги со стола.

В узкую щель приоткрытой двери протиснулась плешивая голова с мутными, как у вчера умершего окуня, глазами.

– Сергеич, разреши...

– Заходи. – Артур напустил на себя недовольный вид и стал ковыряться в верхнем ящике стола. Найдя совершенно ненужный карандаш, он вынул из канцелярского набора скальпель и занялся важным делом – починкой сломанного грифеля.

Бахарь осторожно подошел к столу, оторвал от пола стул, на цыпочках отошел к стене и бесшумно сел. Он делал все это, стараясь не издавать ни единого звука, так как это могло помешать начальнику чинить карандаш.

– Сергеич... – наконец осмелился Бахарь. – Это... Дело есть. Информация, значит.

– Информация? – Артур потрогал пальцем острие карандаша. Оно было даже чересчур острым. – И какую же информацию ты мне принес? Что в России появилась организованная преступность? И за это хочешь просить денег на бутылку водки и пару пачек «Примы»?

– Нет, Сергеич... – в сердцах произнес Бахарь.

– Нет? Не эту? А, наверное, ты разузнал через своих доверенных лиц, что «тетя Ася» стала разбавлять отбеливатель ослиной мочой. Молодец, Бахарь! Как только тетя Ася «расколется», приходи – получишь свой гонорар.

– Сергеич, ну че ты так злишься? Услышишь – сам «допрешь», информация толковая. Да и слышал я, что она давно тебе нужна позарез.

– Бахарь, знаешь, почему все, включая твоих корефанов и меня, к сожалению, зовут тебя «Бахарем»?

Вор немного помялся.

– Фамилия у меня – Бахарев, потому как...

– Нет, не «потому как». Если бы у тебя была фамилия, допустим, «Струйкин», я бы тебя все равно звал Бахарь. И никак иначе.

– Это почему? – опешил спившийся рецидивист.

– Потому что «бахарь» – это древнерусский профессиональный сказочник, собиравший и рассказывавший сказки. Пиз...н, короче. Заниматься отработкой твоей информации – все равно, что искать ноги у змеи. В общем, я принял такое решение. Я «списываю» тебя как «балласт» и раскрываю кражу кроликов. Мне тут, Бахарь, на днях «стуканули» – ты их, оказываешься, украл. Какая для меня неожиданность... Кто бы мог подумать?

– Сергеич, да выслушай ты меня наконец!

– Хорошо, – согласился Артур. – На конец я тебя послушаю. В смысле напоследок.

Мужик облегченно вздохнул и взъерошил жалкие островки растительности на голове.

– Я знаю, что ты Француза ищешь. И, слышал, найти не можешь...

Пляж окончательно исчез за горизонтом.

– Дальше. – Артур всем весом навалился на подлокотник кресла, отчего скрипнули колесики, и посмотрел мимо Бахаря на стену, где висел уже неактуальный портрет Дзержинского.

– А дальше... – Бахарь закашлялся. – Дальше, значица так, Сергеич. Дома он сейчас, Француз-то. До вечера у себя дома будет.

Артур поднялся из-за стола.

– Так, Бахарев, ступай домой или... откуда ты там пришел. Информацию проверю. В девятнадцать часов приходи сюда, ко мне. Если подтвердится – получишь полста рублей. Если нет – готовься на тюрьму. За кролов. Так что вещи на всякий случай можешь сразу прихватить с собой.

– Жестокий ты человек, Сергеич, но честный. Через это и питаю к тебе уважение. А потому – приду я в семь. Сам понимаешь – за полсотни рисковать не стал бы. Приду только потому, чтоб знал ты – не пиз...н я.

– Ты из меня скупую мужскую слезу не дави. Придешь ты только потому, что знаешь – найду я тебя, из-под земли достану и «повешу» еще штуки три кражи, чтобы ты случайно с племянником не договорился на «мировую» насчет ушастых. Ступай, собирай вещи по чердакам.

– Не пугай так, Сергеич. Ты прям как серый Волк на Снегурочку...

– На кого?!

– На Снегурочку...

– Да, Бахарь, видно, когда твоим сверстникам в детстве эти сказки читали, ты гвоздиком в камере свое первое слово «х...» нацарапал. Может быть, все-таки на Золушку?..

– Ах, да, правильно – на Золушку!

– Понятно... – вздохнул Артур, открывая замок на двери, который закрыл по привычке Бахарь, зайдя в кабинет оперативника. – В семь вечера чтоб был у кабинета. Если я задержусь – седи в коридоре и жди.

* * *

Захлопнув за вором дверь, Артур секунду подумал, потом вышел из кабинета и быстрым шагом спустился по затертой, отполированной тысячами подошв лестнице на второй этаж, попав таким образом в длинный коридор следственного отдела. Рванув первую попавшуюся под правую руку дверь, Веденеев зашел в кабинет и сразу почувствовал терпкий запах «Испохана». Такими духами в Управлении пользовалась только Инга Асмолова. И она же сейчас сидела в одиночестве за своим рабочим столом и барабанила пальчиками по клавиатуре пишущей машинки.

Однажды Артур увидел эту девушку на улице в нерабочей обстановке в белой прозрачной блузке и обтягивающих фигуру джинсах. И... шевельнулась в его голове шальная мыслишка! Но тогда сыщик сразу отогнал от себя свою слабость, вспомнив золотое, не им писаное правило: на работе – ни за что! И она и он в этот момент находились не на работе, но Артур знал: завтра-то они опять будут в одном учреждении. Поэтому все, что тогда в единственный раз позволил себе Веденеев, – это любоваться следователем Ингой Асмоловой, пока ее возмущающая своей красотой спокойствие прохожих прекрасная фигурка не скрылась за поворотом.

Сейчас, увидев Веденева, Инга улыбнулась ему той улыбкой, которая снилась и снится всей мужской части Управления, независимо от наличия или отсутствия у тех обручального кольца.

– Инга, ты меня любишь? – неудачно пошутил Артур.

У девушки слегка приподнялась левая бровь, но тут же улыбка стала ярче и хитрее. Она тоже умела *неудачно* пошутить.

– Ты только скажи, Артур, когда и где?

– Прямо сейчас и у меня в кабинете.

У следователя Асмоловой зеленые глаза стали огромными от удивления и правая бровь выравнилась с левой.

– Ты меня пугаешь, Артур...

– Я сегодня всех пугаю. Инга, мне нужна твоя помощь.

– Допросить кого-то? Нет, Артур, мне некогда. Обвинительное заключение сегодня нужно допечатать, а времени...

– Инга, – перебил Веденеев, – не нужно никого допрашивать. Мое дело – это дело пяти минут. Заодно и развеешься.

– Так что нужно сделать-то?

– Позвонить по телефону, позвать одного злодея и сказать, что у тебя ему записка от Змея. Дескать, он из тюрьмы толкнул маляву, а ты придешь и передашь.

– Так ты мне предлагаешь забить бандитам стрелку?.. Кстати, я что-то не вижу во всем этом смысла. Может, объяснишь?

– Хорошо, – подумав, согласился Артур, – пойдем на улицу. Пока дойдем до таксофона, я тебе все объясню.

– А зачем таксофон? – удивилась Инга. – Есть телефон. Какая необходимость идти на улицу?

– У этого парня дома стоит телефон с определителем. Можно спугнуть.

– А откуда он знает номер моего телефона? – Инга от неожиданности даже немного испугалась.

– Черт! – Веденеев с досадой выдернул из кармана пачку «Кэмэл» и прикурил сигарету. – Ну откуда он может знать номер твоего телефона? Он после твоего звонка просто возьмет и тупо проверит! А какая «в доску своя машка» будет звонить ему из кабинета УВД?

– Я не сразу сообразила! – рассердилась Инга. – Ты же ни фиги не объясняешь!

Артур улыбнулся.

– Пойдем, пойдем. Пусть все наконец увидят, что мы с тобой в прекрасных отношениях.

– Эх, Артур Веденеев, а ведь ты меня просто используешь.

Это было сказано самым равнодушным голосом, но что-то опять уловил Артур, и это «что-то» было чем-то новым, спрятанным и недосказанным. Еще не осознавая, что есть такое это недосказанное, он почувствовал, как екнуло внутри, и по его телу, словно волной, прошло тепло. Боясь испортить все какой-нибудь дурацкой фразой или неловким жестом, Артур постоял, как столб, ожидая, пока Инга найдет ключи от кабинета, и, пропустив вперед девушку, вышел...

...Узнав от Бахаря, что Француз находится у себя дома, Артур понял, что нельзя терять ни минуты. Три месяца бесполезных поисков этого Француза уже почти убедили сыщика в том, что тот уехал из города, а может, даже из страны. Все подельники Француза были давно арестованы и теперь терпеливо ждали суда. Но Артура интересовали не они, поскольку все задержанные по этому многотомному делу были всего лишь исполнителями, но не организаторами. Руками, но не мозгом.

Познакомиться с таким мошенником, как Франц Игорь Леонидович, по кличке Француз, мечтали не только сотрудники уголовного розыска, но и, пожалуй, все аферисты города. По своим, естественно, мотивам. Бывший скромный служащий городского Бюро технической инвентаризации Франц еще десять лет назад ничем не выделялся. Когда же страну захватил радостный бум перестройки, Игорь Леонидович нутром почуял, насколько рьяно он приветствует сей демократический процесс.

Когда работа превращается в хобби, особенно на государственной службе, то возникает вполне резонный вопрос: почему же ранее эта работа казалась такой рутинной и монотонной? Игорь Леонидович сразу нашел ответ на этот вопрос. Потому что ранее она не приносила столько дохода. Франц и до этого брал взятки, но незначительные и рассматривал их лишь как премии к скудному жалованью чиновника. Сейчас же, на гребне волны всеобщей приватизации, все перевернулось вверх дном. Основным заработком стали регулярные достаточно крупные материальные поощрения со стороны тех, кому нужно было «оформить побыстрее» да «насчитать поменьше», а зарплата превратилась в своеобразную доплату за рутинную писанину и сшивание документов.

Изучив от корки до корки прессу, особенно ту ее часть, которая именуется «криминальная хроника», Игорь Леонидович сделал для себя два вывода. Первый заключался в том, что наряду с автомобильным бизнесом, наркобизнесом и торговлей оружием организованную преступность страны заинтересовали еще две области – цветные металлы и операции с недвижимостью. Цветные металлы его волновали мало, а вот к недвижимости Франц имел самое прямое отношение. Без его подписи не могла быть приватизирована ни одна квартира в городе.

Осознавать себя частью преступного мира, а в том, что он являлся его частью, Игорь Леонидович уже не сомневался, так как понимал, что за люди ему платят, было и лестно, и страшно. Еще бы! Вчера – бумажный червь, невидимка, мелочь. Сегодня же без его помощи не могут обойтись почти все криминальные группировки города, занимающиеся недвижимостью. Какую недвижимость и зачем они приватизируют, Франц не интересовался, хотя почти

во всех случаях сталкивался с нарушением закона. А страшно было потому, что... черт его знает, сколько протянет эта демократия!

В неверном ходе своих наивных мыслей Игорь Леонидович убедился только тогда, когда полмесяца провалялся дома, в кровати, от побоев. Били его все те же, с тремя макушками. Били за то, что Игорь Леонидович не вовремя решил «показать зубы» и «продинамить» приватизацию четырехкомнатной квартиры в центре города. Как ни странно, эти ребята в перерывах между пинками объясняли уже вознесшемуся было над суетой бытия чиновнику, что он, как был раньше, так и остался «бумажным червем», не более того. Просто сейчас он стал несколько пушистее... И если он, «лысый хер», «кот камышовый», еще раз вздумает пошутить таким образом, то его, живого, закопают на городском кладбище. Назвали даже номер ряда и номер могилки, сообщив, что яма на всякий случай уже вырыта.

Пролежав две недели в постели, Игорь Леонидович, оклемавшись, первым делом поехал на городское кладбище. Увидев в нужном ряду под искомым номером зияющую чернотой и пахнущую вечностью яму, Франц сделал второй вывод – демократия в этой стране продлится гораздо дольше, нежели его жизнь. Поскольку органы власти с такого рода «демократией» если и боролись, то как-то вяло и неумело (так казалось Францу), Игорь Леонидович вернулся на свое рабочее место.

Все было, как прежде: заказ – работа – оплата, до тех пор, пока Францу, теперь уже Французу, два года назад не повстречался на жизненном пути профессиональный кидала по кличке Змей. Тот в кратчайшие сроки сумел объяснить Игорю Леонидовичу, как при помощи «своего» человека в Бюро и природной способности его, Змея, убеждать людей можно продавать одну и ту же квартиру раза два, а то и три, до тех пор, пока, наконец, не будут оформлены настоящие документы законному владельцу.

С этой поры деятельность Француза стала развиваться по двум направлениям. Пачки долларов росли как на дрожжах быстрого приготовления.

Все рухнуло в один момент, когда некто Веденеев, какой-то рядовой оперативника из районного УВД, «слотошил» всех, кто изготавливал эти «дрожжи». Все бы ничего, да «слотошил» он «Змея и компанию» с документами, где стояли его, Француза, подписи.

И тогда Игорь Леонидович исчез. Испарился и нигде не выпал в виде осадка, нарушая великий природный закон.

Артур, напротив, верил во все незыблемое, поэтому в тот момент, когда Инга набирала номер телефона Франца рядом с его домом, сыщик терпеливо ждал, любуясь миллионами отражений солнца в волосах девушки.

– Вы, однако, ошиблись номером.

Артур, почти прижавшись ухом к щеке Инги, прекрасно узнал этот голос. Три года назад он приватизировал свою однокомнатную, оставшуюся после смерти матери. Тогда лысоватый чинуша ему сказал:

– Ждать бы вам, однако, молодой человек, месяца два, но для сотрудника милиции, думаю, исключение сделать можно и нужно.

Вряд ли Франц запомнил Артура. Но только не наоборот.

«Как вы там говорите, Игорь Леонидович? Встретиться нам, однако, придется...»

– Инга... Знаешь, я думаю, моя сегодняшняя эпопея только часам к восьми закончится. Вечера, естественно... Звонить тебе домой, конечно, неудобно...

Девушка слушала Веденева, крутя на пальце перстенок.

– ...поэтому я что хочу сказать... – Артур совсем запутался, позабыв, о чем хотел говорить, и неожиданно выпалил: – Инга, пойдем завтра в обед на пляж?

– Пойдем, – не задумываясь, бесшумно, одними губами ответила девушка.

Артур глубоко вздохнул, вытирая пот со лба.

«Вот идиот, а?! Называется – пригласил девушку на свидание...»

– До завтра! – засмеялась Инга и побежала к Управлению.

Веденеев постоял, проводив ее взглядом. Когда она исчезла за одним из домов, он поймал себя на той мысли, что сейчас он ее «провождает» не как тогда, в первый раз. Минуту назад с ним «до завтра» попрощался близкий человек. Или ему просто так кажется, потому что хочется, чтобы так было?

Придя в себя, Артур чертыхнулся. За то время, пока он был занят совсем другим, Француз мог легко выйти из подъезда и скрыться.

Пробравшись кустами к девятиэтажке, сыщик осторожно вошел внутрь. Запах нечистот, казалось, насквозь пропитал все стены.

«Так, Француз живет на девятом. Пешком этот толстый хряк вряд ли будет спускаться. Не та закалка. Значит, нужно доехать до восьмого на лифте и подумать, как извлечь его из квартиры. По лоджии к соседям он не переберется – лоджии не спарены. Прыгать, надеюсь, он тоже не станет. Не плюшевый мишка... Он просто не откроет дверь на звонок».

Артур вышел из лифта на площадку восьмого этажа и, спустившись еще на один пролет, сел на ступени около мусоропровода.

«Ждать. Сидеть, дышать помоями и ждать, пока любезный Франц Игорь Леонидович не решится уйти из своего насиженного гнезда».

Веденеев достал из кармана сигарету и щелкнул зажигалкой. Запах сигаретного дыма немного перебил кислый запах гниющих нечистот внутри шахты мусоропровода. Именно за эту вонь Артур и не любил высотные дома.

«Живут, как в мусорном баке...»

Стрелки на часах показали, что засада длится уже тридцать семь минут.

Громыкнули, резко натянувшись, тросы лифта, и кабина неторопливо поползла на вызов. Где-то внизу хлопнули закрывшиеся двери, и снова монотонно загудел мотор. Артуру показалось, что кабина лифта остановилась почти перед самым его носом. Кто-то приехал на седьмом этаже. Светиться необходимости не было, и Артур резко перекатился по грязному зашарканному бетону ступеней к шахте мусоропровода.

Вместо скрежета вставляемого в замочную скважину ключа послышались тихие голоса. Артур прислушался, стараясь даже не дышать. Разговаривающих было трое. Внезапно перешептывание оборвалось.

Сыщик бесшумно придвинулся к косяку, разделяющему мусоропровод с лестничной площадкой, и глянул вниз.

У квартиры справа стояли трое парней в спортивных костюмах. Один – у двери, двое – двумя ступенями ниже. На кисти одного из них красовался массивный никелированный кастет. Никого из этих парней Артур узнать не мог. Не потому, что раньше с ними не сталкивался. Просто у всех троих на голову были натянуты черные женские чулки.

Стоящий у двери быстро вынул из кармана стальной прут, изогнутый в форме вопрошительного знака, и обычный ключ. Пока он вставлял эти приспособления в замочную скважину, тот, что был без кастета, прошелся по площадке и мазнул по «глазкам» соседних квартир губной помадой. Теперь даже самые любопытные из соседей, если таковые найдутся, при всем желании не смогли бы понять суть происходящего на лестничной клетке.

Ненужная косметическая принадлежность полетела вниз, между перилами. Артур спрятался за косяком и, прислонившись затылком к стене, закрыл глаза.

«Твою мать... Не раньше, не позже, а именно сейчас! Артур, ты постоянно выпытываешь у злодеев, как они совершают квартирные разбои?.. Так теперь можешь еще и посмотреть. Что делать?.. Думай! Думай!!»

Воноваться было из-за чего. На девятом этаже находился преступник, объявленный в федеральный розыск, поимка которого – дело чести Веденева. На седьмом этаже происходит

то, что на языке Уголовного кодекса через полминуты будет квалифицироваться как «разбой» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Что делать?.. Спугнуть их по-тихому – пусть бегут? Но не сегодня, так завтра они это повторяют. А судя по профессионализму их действий – это у них не впервые. И даже не в пятый раз. Доки... А во дворе их обязательно ждет четвертый. В машине. С работающим двигателем...»

Как это часто бывало в минуты неразрешимых ситуаций, Артур отключил от работы свой мозг и прислушался к сердцу.

– Француз, Француз... Игорь Леонидович Франц... Ну почему тебе, суке такой, так потрясающе сегодня везет?.. – одними губами проговорил сыщик, вытягивая из кобуры «макарова».

«Сомнут, сомнут меня эти трое... Ох, как они меня сомнут... А что делать?..»

Внизу все шло по плану. Замок наружной, металлической двери был уже открыт, а сама дверь прижималась к коробке рукой одного из подельников.

– Давай!.. – скомандовал тот, что был с кастетом.

Прозвенел звонок, и вскоре послышался звук открываемой внутренней двери квартиры.

Так делают все хозяева, чтобы узнать, кто пришел к ним в гости – открывают внутреннюю дверь и смотрят в «глазок», который врезан в наружную.

Едва дверь внутри распахнулась, как стоящий первым резко откинул металлическую дверь в сторону, освобождая проход тому, кто был с кастетом. Он не заставил себя ждать, ринувшись в квартиру. Артур услышал короткий женский вскрик, оборванный мощным ударом. И тут же двое оставшихся на площадке последовали за «боксером».

Веденеев прекрасно знал, что сейчас произойдет в квартире в ближайшие десять-пятнадцать минут. Преступники будут собирать ценные вещи и выпытывать у потерпевших, где деньги, золото и прочее... Потом никакие драгоценности не вернут здоровье, а может быть – и жизнь хозяевам этой злополучной квартиры.

Это нужно было делать сейчас, либо, как крысе, спрятаться за этой помойкой и ждать Француза, не отвлекаясь на то, что происходит на седьмом этаже.

Преступников нужно было если не задержать, то хотя бы остановить. Поэтому Артур, уже больше не раздумывая, кубарем скатился по лестнице. Он оказался у двери в тот момент, когда последний, третий, уже закрывал ее за собой.

Сыщик рванул на себя ручку и остался один на один в коридоре с человеком, лицо которого скрывала черная капроновая маска. Веденеев оттолкнулся от пола обеими ногами и в прыжке ударил коленом в челюсть «фантомасу». Тот глухо хрюкнул и вылетел на середину комнаты. Артур набрал в легкие воздуха, чтобы заорать что есть мочи: «На пол! Милиция!», как произошло то, что не смогли «просчитать» при всем желании ни преступники, ни он.

Во всех комнатах квартиры и на лестничной клетке раздались крики: «лежать, сука!..», «РУОП!..», «руки за голову!..» и еще что-то. Что именно – Артур слышать уже не мог, потому что лежал без сознания на полу в коридоре квартиры и из раны на голове, после удара прикладом автомата, текла кровь...

* * *

...Было утро. Артур посмотрел на запястье левой руки. Стрелки часов показывали девять часов. Сегодня он увидит Ингу и они вместе пойдут на пляж. А там как знать, как знать, может быть, и изменится его одинокая, никому пока не нужная личная жизнь...

Она пообещала, значит, она пойдет. Как это здорово! О ней мечтают все, кто хоть раз видел эти зеленые глаза и мягкие, будто невесомые, пушистые волосы, а она пойдет с ним, Артуром Веденеевым.

Но зачем ждать? Нужно идти сейчас. Чем раньше они уйдут на пляж, тем дольше времени они пробудут вместе.

Инга!.. Кто бы мог подумать?

Артур шел по коридору и с удивлением отмечал про себя, что все, кого он знает в Управлении, идут только навстречу. Ни один не шел впереди или сзади. Все – навстречу, в другом направлении. Артур со всеми здоровался, как обычно, и, как обычно, каждому дарил свою честную, открытую улыбку, но... все проходили мимо молча и отворачивались в сторону, едва его увидев...

Открыв в смятении тяжелую дверь кабинета Инги, он увидел Ее. Она сидела на своем обычном месте и печатала на пишущей машинке.

– Инга! – позвал ее Артур.

Она подошла и, рассмотрев его с ног до головы, произнесла:

– Мне некогда, Артур. Я еще недоделала вчерашнюю работу.

Девушка помолчала и, недовольно посмотрев в глаза Артуру, неожиданно сказала:

– Я никуда с тобой не пойду. Мне стыдно с тобой появляться в городе. Посмотри, на кого ты похож, – грязный, в мятой одежде! От тебя пахнет какими-то помоями, и все лицо залито кровью... Не веришь? Тогда подойди к зеркалу, посмотри на себя и ответь: достоин ли ты меня?..

Артур шагнул к большому настенному зеркалу Инги, увидел в нем свое отображение и дико закричал.

За его спиной раздался смех девушки...

... Чувство боли заставило Веденева застонать и слегка приподнять голову, но встать он не мог.

Левый глаз был залит чем-то липким и горячим, во рту был металлический, солоноватый привкус. За его спиной, точнее, над ней, слышался чей-то смех. Окончательно придя в себя, сыщик приподнял голову и единственным видящим глазом окинул пространство вокруг себя.

На полу, рядом с ним, лежали три человека в спортивных костюмах. Один из них не подавал никаких признаков жизни. Три пулевых ранения в области грудной клетки были подтверждением того, что этот человек и в будущем не будет подавать таких признаков. Двое оставшихся в живых разбойников, как и Артур, были в наручниках и лежали на животе.

«Что за чертовщина?..»

Боль заставила снова положить голову на паркет, залитый кровью.

Поняв, что зрительную часть анализа уже не разнообразить, сыщик превратился в слух.

– ...распишитесь, понятие, в протоколе осмотра. Здесь... И здесь... Вот так. Теперь, товарищи, где сосед, который позвонил и вызвал милицию?

«Какую милицию?.. Что здесь происходит?»

Артуру казалось, что все происходящее вокруг – мистика, сон.

– Я вызвал, я! – раздался, как показалось Веденеву, не совсем трезвый голос. – Как услышал шум около квартиры соседей, ну, думаю, вот и мы дождались! Сразу в этот, как его... РАОП позвонил.

– В РУОП, – поправил тот, который распорядился в квартире, и Артур опять услышал над собой смех.

– Ну, да, в РУОП. И сообщил. Вот.

«Вот суки... – пронеслось в голове сыщика, – это же «подстава»! Этим троих здесь ждали! Простая руоповская операция! Провокация – «наводка» – квартира – «ловушка»! Чтоб мне слохнуть на месте, я же попал «в жир ногами»!

Артур стиснул зубы уже не от боли, а от понимания ситуации, в которой оказался.

«Им нужно срочно все рассказать. Если они сейчас, прямо сейчас задержат Француза, то я смогу объяснить свое присутствие в этой квартире с оружием в руках. Кстати, где пистолет?..»

Сыщик осторожно, чтобы не вызвать приступа резкой боли в затылке, опять приподнял голову и на полу, среди многих вещей, как сразу определил Артур – потенциальных вещдоков, увидел свой «макаров», упакованный в целлофановый мешок. Рядом, в таком же мешке, лежал знакомый кастет.

– Эй... – прохрипел Артур. – Кто здесь старший?

– Разговаривает – значит, живой, – констатировал хозяин высоких армейских ботинок на шнуровке. Выше Веденеев не видел. «СОБР...»

– Да таких убивать нужно! Прямо на месте... – в сердцах проговорила какая-то женщина.

По характеру ее речи – невозможностью произносить почти все согласные – Артур понял, что это именно ее осчастливил «боксер» своим прямым правым.

– Кто здесь старший? – с трудом повторил сыщик.

– Чего ты хочешь? – грубо спросил голос «командующего».

– Я хочу, чтобы вы вынули кое-что из внутреннего кармана моей куртки.

– Я не понял, вы что, не шмонали их? – удивился «командующий», обращаясь, очевидно, к подчиненным.

– Шмонали, – заверили «ботинки», однако подошли к Артуру.

Появились две руки и резко перевернули его на спину.

– Что там? – спросил мужчина лет сорока в сером костюме и черной рубашке – «командующий».

Наконец у Веденева появилась возможность видеть лица всех присутствующих.

– Ох, ни хера себе! – воскликнул молодеватый собровец, рассматривая служебное удостоверение Артура.

– Неси сюда, – приказал старший.

Подождав, пока руоповец изучит его удостоверение, сыщик кивнул на изъятые в ходе осмотра вещественные доказательства:

– А вон в той куче дерьма лежит мое табельное оружие. Может, поговорим об этом?

– Обязательно, – задумчиво пообещал старший и повернулся к подчиненным. – Этих двоих и этого, – он указал пальцем на сыщика, – в машины и к нам, в Управление. Оформить, рассадить по разным камерам. Да, чуть не забыл, мента – в отдельную, чтоб один сидел.

Артур почувствовал, как четыре сильные руки оторвали его от пола и поставили на ноги.

– Мне нужно кое-что срочно вам сказать! – заявил Веденеев.

– Потом скажешь, – парировал «старший». – Времени будет предостаточно. Мы как раз собираемся весь день потратить на разговоры с вами.

– Но «потом» – это будет поздно!

– Для кого? – насмешливо спросил руоповец. – Для тебя? Но мы-то никуда не торопимся.

...Когда Артура выводили из подъезда, у крыльца собралась внушительная толпа, своим видом показывая правоту того факта, что русский народ – не такой, как все остальные. Во всех странах мира люди, услышав выстрелы, стараются как можно быстрее покинуть это место, чтобы остаться в живых. И только русские, дав друг друга, будут бежать туда, где что-то взорвалось или что-то выстрелило. Чтобы *посмотреть*.

На дороге у дома стояла белая «девятка» с уже заглушенным двигателем, и рядом с ней, на газоне, лежал молодой человек в спортивном костюме. Его руки были заведены за спину и соединены наручниками. Около него прохаживались три человека, очень похожие на сотрудников РУОПа...

«А вот и четвертый... – усмехнулся про себя Артур, когда его запихивали в служебную «Волгу». – Нет, так не бывает. Этого не может быть. Все сейчас выяснится. А про Француза пока придется забыть...»

Сидя на заднем сиденье, Артур глянул в зеркало заднего вида и ужаснулся – таким он себя увидел в зеркале Инги, когда находился в каком-то болезненном забытьи.

«Она не могла сказать мне, что не пойдет со мной. Я нравлюсь ей... Боже мой, а как она нравится мне! И нет у нее никаких зеркал в кабинете!»

Заметив, как к подъезду подъехали «Жигули» районной прокуратуры, Веденеев стиснул от стыда зубы и наклонил голову. Необъяснимая ярость и ненависть к этому холеному «начальнику» и его «исполнителям» охватила каждую клетку его тела.

Кто дал им право так поступать с ним, не разобравшись?! Что они мнят о себе? Ладно, доедем до вашего чертова Управления... поговорим.

* * *

Представляться в дежурной части РУОПа Артур отказался, вспомнив, что его служебное удостоверение осталось у полнолицего руоповца. Еще не хватало, чтобы в их «форме восемь» – журнале учета задержанных – значилась его фамилия! Он лишь сказал дежурному в камуфляже, что является сотрудником уголовного розыска, и потребовал отвести его к начальнику либо его заместителю.

– И еще вы должны сообщить моему руководству, что я нахожусь у вас. Причем вы должны это сделать немедленно.

В ответ он получил несколько ударов с просьбой «утихомириться по-хорошему».

– Скажи спасибо, что тебя, мудака, не разрешили в общую «хату» посадить...

– А что ты понимаешь в этом? – спросил Артур и сплюнул сгусток крови на белый мрамор пола, прекрасно зная, что эти люди тотчас потеряют над собой контроль. С потерей контроля исчезает логика в поступках и чувство морального превосходства, появляется бешенство и чувство силы. Самая худшая замена из всех существующих.

– Ты, падла, мент продажный! Пол помыть хочешь?! Да я тебя!..

– Что ты меня? Ну, что ты меня? Еще ударишь, что ли? Через час-полтора, когда все встанет на свои места, ты вылетишь с работы за превышение служебных полномочий. Уж я-то расстараясь. А сейчас давай сади меня в камеру. – Артур еще раз сплюнул на пол, теперь уже под ноги дежурному, повернулся лицом к стене и заложил руки за спину.

Дежурный отодвинул металлическую щеколду на двери пустой камеры и втолкнул Веденеева внутрь.

Артуру хотелось верить, что вместе с грохотом закрываемой за его спиной двери наступит его пробуждение и он забудет обо всем этом, как об ужасном ночном кошмаре. Но пробуждение не настало.

Сев на отполированную сотнями преступных задниц узкую скамейку, сыщик стал прикидывать все «за» и «против» своего положения.

Нет сомнений в том, что он оказался в ненужное время в ненужном месте. Поэтому с ним отработали, как с материалом. Этим ребятам из РУОПа, а точнее – одному, главному, тому полнолицему, если он, конечно, не дурак и не верит на самом деле, что Артур – подельник в квартирном разбое, сейчас придется выбирать из двух вариантов. Либо делиться с ним раскрытием тяжкого преступления, так как задержание они проводили одновременно, хотя и без взаимодействия, либо пойти на опасную, но стоящую свеч игру – доказать всем соучастие сотрудника милиции в совершении преступления.

«Если он предпримет первое, то ему придется уговорить меня не мешать «отрабатывать» этих троих. Извини, дескать, старик, мы погорячились, но кто знал, что ты хороший парень?»

Никто ведь не знал, правильно? Поэтому давай сделаем так: чтобы у тебя не было неприятностей, ведь все-таки ты задержан в квартире с оружием в руках, вместе с преступной группой, ты «отойди» в сторону и не мешай, хорошо? Эта «группа» – моя, и мне с ней работать. А что помог – молодец».

Артур поймал себя на мысли, что вторая его версия – самая нереальная. Как этот руоповец будет объяснять тот факт, что милицию на самом деле никто не вызывал, что квартира эта – обычная «ловушка» и что разбой на самом деле был просто спровоцирован людьми РУОПа? Ведь Артур – сотрудник милиции, оперативник, он эту «кухню» знает от и до! И, защищая себя, он полностью развалит дело, не дав ему даже дойти до суда, оказав таким образом помощь настоящим преступникам! Нет, такую игру полнолицый не потянет. РУОП не занимается расследованиями. Они возбуждают уголовное дело и передадут его для проведения следствия – по территориальности – в следственный отдел его, Веденеева, района. То есть к «своим» для сыщика. Тогда у руоповца вообще не будет никаких шансов, потому что сразу все станет на свои места. Нет, так рисковать полнолицый не будет. А за проведенную операцию, в ходе которой потерпевшим нанесен вред здоровью, по голове не поглядят. Если же еще учесть, что операция основана на провокации и при задержании погиб подозреваемый, не успев дать показаний, это вообще – «атас»! Что будет, если сейчас на допросе эти оставшиеся в живых разбойники окажутся умными мальчиками и подпишутся под показаниями, что ворвались они в эту квартиру, потому что какая-то бабушка на улице им сказала, что в этой квартире насилюют девушку, и они бросились ее спасать?! Ведь их «хапнули», когда они только вошли и не успели ничего потребовать! Маски?.. А кто сказал, что это маски? В каком законе написано, что запрещается носить на голове женские чулки? Разве в Уголовном кодексе есть статья, в которой понятие «маска» является квалифицирующим признаком совершенного преступления?

Артур отбросил этот вариант как отработанный и вспомнил, как вел себя полнолицый там, в квартире... Четкие действия, причем шаблонные, схематичные, уверенность в успехе, самодовольство...

«Твою мать! – с ужасом подумал Веденеев, – а если он и в самом деле дурак?!»

Это был худший из вариантов. Если действительно этот руоповский опер уверен, что Артур – член преступной группы и будет всеми своими дурацкими силами это доказывать?

«Дураки, конечно, есть везде. И в нашем Управлении, и в РУОПе. Медицинская комиссия УВД в этом отношении работает спустя рукава. Но, слава богу, кроме дураков есть еще умные и дальновидные люди. А в этой организации их должно быть значительно больше, чем в любой другой силовой структуре... Защититься я, конечно, смогу – это не проблема при условии, что все будет законно. Но вот как поведет себя этот парень?»

Считаться с Артуром будут, обязательно будут. Как-никак он – офицер уголовного розыска. Зная это, полнолицый скоро подъедет, не дожидаясь, пока пройдет три часа, отведенных на установление личности задержанного.

Наручники с Веденеева сняли вместе со шнурками и брючным ремнем. Хотелось курить. Так хотелось, как, наверное, не хотелось никогда в жизни. Болела от ударов голова – на затылке кровь уже запеклась, но из рассеченной надбровной дуги то и дело соскальзывали на щеку маленькие алые капли. Еще через пятнадцать минут духота и солоноватый привкус во рту сделали свое дело – захотелось пить.

Артур подошел к двери и пнул по ней ногой.

– Что случилось? – поинтересовался дежурный.

– Своди в туалет.

Дверь с грохотом распахнулась, и Веденеев зажмурился от яркого света, ударившего в лицо.

– Давай руки, – спокойно распорядился дежурный и защелкнул браслеты на вытянутых запястьях сыщика.

Дорога в туалет через коридор показалась Артуру длинной, как жизнь. От стыда и незаслуженного позора ему хотелось провалиться сквозь пол куда-нибудь вниз, в подвал, где только мышам и тараканам будет наплевать, кто ты – сыщик или преступник.

Выпив из-под крана, как показалось Артуру литра два воды, он, как смог, отмылся от крови и закрыл кран. Обернувшись, опер с удивлением увидел, что дежурный протягивает ему белоснежное вафельное полотенце.

– Откуда такая забота? – поинтересовался Веденеев. – Или здесь сервис такой: сначала морду бьют, потом полотенце предлагают?

– Это мое личное полотенце.

– Только не говори, что ты меня полюбил с первого взгляда! Я это ненавижу. Или ты реально воспринял мои предыдущие угрозы?

– Ни первое, ни второе. Твоя фамилия – Веденеев?

– Допустим.

– Работаешь в Зареченском районном Управлении?

– Тебе кто-то отписал отдельное поручение для производства допроса?

– Ты зимой раскрыл квартирную кражу у моей сестры. Тогда все вещи обратно вернулись. Не успел тебя поблагодарить. Хорошее быстро забывается...

– Ну вот и поблагодарил.

– Не обижайся, я не знал, кто ты. Сюда разных привозят.

– Тогда, наверное, к ним и относиться нужно по-разному, правда?

Дежурный помедлил, не ответив на этот вопрос, и, приняв от Артура мокрое окровавленное полотенце, спросил:

– Чем я могу помочь тебе, не выходя...

– ...за рамки своих должностных полномочий? – закончил за него Веденеев.

Тот довольно кивнул головой, видя, что не нужно произносить вслух такую идиотскую в данной ситуации фразу.

– Дай сигарету.

Руоповец вытащил из камуфляжа, откуда-то из рукава, пачку «Парламента», сунул в нее зажигалку и опустил пачку в карман веденеевских джинсов.

– Если что-нибудь нужно будет еще – дай знать.

– Обязательно дам, старина. Только попозже. А за сигареты – спасибо.

Сидя в камере, с удовольствием затягиваясь дымом хорошей сигареты, Артур почувствовал, что готов к любому разговору, к любым неожиданностям. Обычный покой и сдержанность вновь обрели себя в каждой клетке его тела. Он даже удивился самому себе, когда понял, что обдумывает не свое сегодняшнее положение, а как он с такой мордой пойдет завтра с Ингой на пляж.

Он увлекся ею давно, два года назад, как она только перевелась в Управление из районного отдела. Инга привлекала его не столько своей красотой, сколько умением держаться. Артур ни разу не видел ее хихикающей в компании пустоголовых управленческих сплетниц. У нее, безусловно, были подружки на работе, но ее дружба и общение были ненавязчивы для окружающих, просты и спокойны.

Артур был уверен, что, будь он даже писанным красавцем, такой девочке, как Инга Асмолова, нет необходимости заводить служебные романы, и это доводило его до бессонниц. Зачем ей нужен какой-то опер, сыщик, если с ее природным умом и красотой она достойна гораздо большего?

Убеждая самого себя в неотвратимости этой, такой дорогой для него потери, Артур попытался превратить свои чувства в просто дружеское отношение к девушке, то есть обмануть

самого себя. Это значило, что Инга должна воспринимать все его слова и случайные встречи, не замечая их глубокого смысла, просто поговорили друзья, сослуживцы – вот и все. Но, приняв умом тот факт, что он для этого должен вести себя по отношению к ней так же, как и все мужики в Управлении, Артур почувствовал, как забастовало его сердце. И тогда он пошел на один, самый верный, по его мнению, шаг – стал ее избегать.

Артур прятался от нее, как ребенок, боясь только одного – пусть лучше его чувства постепенно угаснут, притупятся и со временем исчезнут, чем мгновенно умрут, осмеянные и отвергнутые. Сыщик, который не боялся никого и ничего, испытывал страх перед возможностью встретиться с Ингой где-нибудь в коридоре.

Но разве могут забыться такие чувства?! Их можно только неумело скрывать, разрывая себе душу и отравляя жизнь. Но подавить их нельзя... Поэтому в восемнадцать ноль-ноль, в конце каждого рабочего дня, Артур с безнадегой прилипал лбом к вечно холодному стеклу окна, выходящему на площадку перед центральным входом в Управление, чтобы с третьего этажа посмотреть, как из дверей выходит до сумасшествия красивая девушка и как она, перекинув через плечо ремешок сумочки, идет домой...

«Да как же с такой рожей завтра на пляж-то идти?!»

В очередной раз подосадовать на сей факт ему помешал металлический стук открываемой дверной щеколды.

Наученный опытом, Артур прикрыл рукой глаза и опустил голову, чтобы опять не ослепнуть от яркого света.

– Веденеев, на выход, – прозвучал до боли знакомый голос полнолицего.

Не «выходи», не «пойдем», а именно «на выход». От казенности этой команды у Артура резануло слух.

«Он что, действительно, дурак, что ли?.. Или рисуется?»

– Руки, – опять приказал полнолицый, вытаскивая наручники.

– Вы в своем уме? – осторожно спросил Веденеев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.